

ЯРЦЕВА В. Н.

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ И ВЗАИМОТНОШЕНИЕ
УРОВНЕЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

В истории языкознания, как и в истории любой науки, наблюдается определенная закономерность в смене идей и направлений, вызываемая прежде всего практическими потребностями изменяющейся исторической действительности. Если при этом иногда возникает чрезмерная одно-сторонность в трактовке реальных фактов языка, то с течением времени неизбежно наблюдается известное выравнивание и новый, более высокий виток в развитии данной науки. Так, с нашей точки зрения, произошло в языкознании, когда на смену атомистической трактовке языка в начале XX в., и особенно в 20—30-е годы нашего столетия, пришло понимание языка как системы. Это совпало с вовлечением в орбиту лингвистики множества языков различных континентов — Азии, Африки, Америки, Австралии, — не имевших письменной исторической традиции и вместе с тем требовавших своего описания для целей преподавания и упорядочения во все расширяющихся сферах коммуникации.

Введение понятий системы, ее упорядоченности, гармоничного соответствия ее частей в большой мере способствовало успехам синхронного описания языков и, в частности, составлению серии грамматических и фонологических работ по различным языкам мира. Однако вскоре обнаружилось несоответствия в формах организации отдельных областей языковой системы и были выявлены специфические черты, характеризующие отдельные уровни системы языка. Хорошо известно постепенное умножение и дробление таких уровней, однако эта тенденция своеобразных «поправок» к идее монолитности языковой системы довольно быстро исчерпала свои возможности.

Гетерогенность языковой системы, ярче всего проявляющаяся в процессе ее функционирования, является прежде всего результатом ее исторического развития, сосуществования на синхронном срезе элементов нарождающихся и элементов отмирающих. Таким образом, исторический подход при рассмотрении структурных особенностей и системы любого языка вновь привлек внимание лингвистов. Однако в историческом понимании своеобразия системы языка в целях ее адекватного объяснения было заложено нечто совершенно отличное от историзма XIX в.

Сравнительно-историческое языкознание, в значительной мере унаследовавшее при своем возникновении традиции филологической науки, опиравшейся в первую очередь на интерпретацию письменных памятников, лишь в очень небольшой мере оперировало понятием функции в применении к тому или иному элементу языка. Между тем стремление показать функционирование системы языка в целом через призму функционирования ее отдельных частей все больше и больше проявлялось в языкознании 60-х годов и заставило с неизбежностью поставить вопрос о причинной обусловленности функциональных особенностей языка. На фоне все увеличивающегося внимания к содержательной, семантической стороне языка это направление лингвистических исследований оказалось весьма плодотворным.

Варьирование языка в различных сферах и условиях его коммуникативного использования стало одной из задач новой отрасли языкознания — социолингвистики, а соотносительность парадигматических и синтагматических вариантов все больше помогала создать адекватные

описания при исследовании грамматических особенностей отдельных языков. Идея вариантности (или, как иногда говорят, вариативности) языка породила множество задач, поскольку необходимо было пересмотреть некоторые старые и устоявшиеся понятия и термины грамматики в свете новых представлений, с одной стороны, и разрабатывать те новые пласты языковых данных, которые обнаруживались при использовании идеи вариантности, с другой.

Что такое вариант и варианты? Необходимо ли при этом всегда иметь инвариант или можно обойтись без обязательного выделения инварианта? Одинаково ли понятие варианта для различных уровней системы языка? До каких пределов могут варьироваться элементы структуры языка и когда наступает тот рубеж, пройдя который возникают р а з н ы е элементы на базе расхождения вариантов? Последнее можно в равной мере отнести и к расхождению семантических вариантов многозначного слова, и к вариантам грамматической формы, и к развитию вариантов языковой системы в целом, и, наконец, к появлению разных языков на основе некогда единого языка.

Задач и вопросов много, но за завесой неизбежных и необходимых частных исследований нельзя скрывать фундаментальные теоретико-методологические проблемы самой идеи вариативности языка, обусловленной в первую очередь коммуникативной направленностью самого языкового процесса, его содержательностью, его семантической ценностью.

Накопление материала и его обобщение в плане теоретическом — вот путь для понимания того, что кроется за вариантами и варьированием. Весьма важно учитывать при этом, что человеку для полноты выражения приходится не только использовать варианты, предоставленные ему в структуре языка, но также и их разнообразные комбинации, что приводит к качественно новым ступеням исторического развития языков. При изучении явлений языковой вариативности одну из труднейших проблем представляет выбор тех параметров, которые позволяют отграничить элементы вариативности от конструкций, относящихся к качественно различным языковым образованиям. В области содержательной грамматики этот вопрос возникает прежде всего в тех случаях, когда одна и та же понятийная сфера представлена в языке несовпадающими формами ее реализации и с разной степенью подробности. Известно, например, что в отдельных языках ирреальность действия передается рядом варьирующихся форм, в то время как другие семантико-грамматические категории однозначно парадигматичны.

Под морфологической категорией мы понимаем систему взаимопоставленных морфологических форм, передающих определенные грамматические значения. Подобное определение может показаться слишком узким, но оно помогает избежать той «эрозии» чисто грамматических значений, которая иногда наблюдается в современной грамматике при попытках (в целом правомерных) внедрить принцип функциональности в области морфологии.

С содержательной стороны вариативность проявляется прежде всего в условиях контекстуальной сочетаемости, когда структурные парадигматические варианты обнаруживают отсутствие семантического тождества. В процессе сравнения двух языков морфологическая вариативность может проявиться при наложении полей, в целом общих для этих языков по своему грамматическому значению, т. е. как бы совпадающих по своим семантико-грамматическим контурам, но не тождественных в своем внутреннем членении. Последнее можно наблюдать даже в тех случаях, когда речь идет о языках, принадлежащих к одной и той же генетической группировке.

Морфологическая вариативность возникает как следствие объединения в одном парадигматическом ряду грамматических форм, одновременных по своему происхождению (архаизмы и неологизмы) или различных по своей грамматической структуре (формы синтетические и аналитические). Такая вариативность наблюдается и в результате включения диалектных

форм в нормативное литературное употребление. Далеко не всегда отбор варьирующихся форм определяется семантико-стилистическим заданием данного текста. Грамматические, ритмические и общие структурные условия построения текста могут диктовать выбор одной из двух или нескольких параллельных морфологических форм, существующих в языке. Однако то, что можно было бы назвать «просветлением значения» данной формы, наступает только в узком, а иногда в более широком синтаксическом окружении, а степень распространенности этого окружения в целом должна соответствовать типологической принадлежности языка. Бинарные конструкции при всем своем значении с точки зрения языковой валентности не всегда удовлетворяют требованиям языков, бедных по своим морфолого-синтетическим ресурсам, вследствие чего для элиминирования последствий так называемой «синтаксической неопределенности» приходится оперировать отрезками большей синтаксической протяженности.

Нет сомнения в том, что процессы варьирования морфологических и иных элементов в языковой структуре играют большую роль в историческом развитии любого языка. Если отбор одного из вариантов, бытующих в данном языке, или количественное нарастание вариантов вызывается в конечном счете экстралингвистическими условиями, приводящими к специфическим случаям функционирования варьирующихся форм, то распределение вариантов между областями морфологии и синтаксиса должно оцениваться прежде всего в плане синхронии. Поэтому соотношение одних и тех же элементов языка в различные исторические периоды его развития дает совершенно разную картину их распределения.

Известно, что в парадигме личных местоимений современного английского языка нет противопоставленности единственного и множественного числа для 2-го л., которое обозначается одной и той же формой *you*. Исторически *you* восходит к формам дат./вин. падежа 2-го л. мн. числа древнеанглийского личного местоимения *ēow*. В современном английском языке сохранилась форма им. пад. этого личного местоимения *ye* (из др.-англ. *ze*), однако ее употребление очень ограничено [1]. В XVI—XVII вв. формы *ye/you* чередовались в функции подлежащего без стилистической отмеченности и, следовательно, могли считаться морфологическими вариантами на синхронном срезе языка того времени. В морфологической парадигме современного английского языка они, строго говоря, тоже присутствуют, но их функциональный статус глубоко различен.

При трактовке проблемы функционирования грамматических, а в особенности морфологических вариантов, по происхождению представляющих собой сведение в одном ряду исторических и аналогических форм, лингвисты не всегда четко дифференцируют функционирование этих форм в данном языке в целом и употребление, привычное для речи того или иного члена данного языкового коллектива. Конечно, говорящий сам может располагать определенным набором вариантов, употребляя в своей речи то один, то другой в зависимости от сложившейся речевой ситуации и стилистического задания, однако часто наблюдается «приверженность» говорящих к той или иной варьирующейся форме данного элемента языка, и эти моменты при исследовании проблемы вариативности следует очень строго учитывать, т. к. именно это помогает правильно оценить перспективы эволюции языка в плане влияния экстралингвистических факторов (например, роль социальных и возрастных групп населения, передвижение населения в пределах географических диалектных зон).

В одной из своих статей Л. Хэбер пробует статистическим путем определить, можно ли сформулировать общее правило при выборе того или иного варианта для претерита английских глаголов типа *to leap* «прыгать», *to creep* «ползать» и им подобных. Хотя в современном языке глаголов типа *to leap* (претерит *leaped/leapt*) немного, все же они составляют определенную подгруппу в морфологии английского глагола и, казалось бы, что говорящий, употребляющий для глагола *to leap* нерегулярную, архаическую форму претерита *leapt*, должен в такой же мере употреблять нерегулярный вариант для глагола *to creep*, т. е. *crept*. Однако, опросив

60 информантов, Л. Хэбер приводит подсчеты, из которых следует, что для *to leap* нерегулярную форму претерита *leapt* употребляет 33% информантов, а для глагола *to creep* с нерегулярной формой претерита *crept* этот процент повышается до 73%. Статистическая пестрота характеризует употребление морфологических вариантов претерита и других глаголов указанного типа. Из группы опрошенных информантов 83% употребляют нерегулярную форму для глагола *to speed* «ускорять» и только 13% его регулярную форму, но для глагола *to plead* «просить» нерегулярную форму употребляет только 27%, а регулярную 72% опрошенных. В итоге Л. Хэбер приходит к заключению, что морфологического шаблона для данной группы глаголов установить нельзя, т. к. «каждый глагол воспринимается как самостоятельная лексическая единица, сопровождаемая формулой вариативности у каждого отдельного говорящего» [2].

Действительно, невидно, чтобы качество корневого конечного согласного или такие грамматические категории, как переходность или непереходность глагола, лицо и число подлежащего, влияли на выбор формы претерита. По мнению Л. Хэбера, нельзя также заметить в группе опрошенных им лиц влияние пола и возраста информантов или самих условий опроса (т. е. письменной или устной формы предлагаемого текста). Весьма возможно, что анализ частотности употребления тех или иных глаголов с точки зрения их лексического значения мог бы пролить свет на причины преимущественного употребления одного из морфологических вариантов претерита, но нас в подсчетах, проведенных в указанной выше статье, интересует другое: если в системе современного английского языка в целом бытуют о б а морфологических варианта претерита, то для каждого отдельного говорящего на первый план в употреблении выступает о д и н из них.

В приведенном выше примере английских глаголов варианты были «замкнуты» пределами морфологии языка, однако гораздо чаще при функционировании варьирующихся структур обнаруживается взаимодействие морфологического и синтаксического уровней строения языка, а также воздействие ритмических, стилистических и иных факторов при выборе того или иного варианта. В качестве примера можно привести полные и усеченные формы вспомогательных глаголов в английском языке, т. е. корреляты *will/'ll*, *have/'ve*, *is/'s*, *had/'d*.

Для литературного языка в его разговорной разновидности частотность приведенных форм неодинакова, но морфологическое тождество полной и усеченной форм касается всех глаголов. Хронологически подобное употребление восходит к языку шекспировской эпохи, но для современного английского языка, особенно если учитывать его региональные разновидности, можно установить определенные социально-функциональные условия распределения полных и усеченных вариантов [3]. Можно также обратить внимание на один, на первый взгляд незначительный, но представляющий интерес случай варьирующихся форм для 1-го л. ед. числа будущего времени: *I shall do*, *I will do*, *I'll do*. Только *I will* и *I'll* могут считаться соответственно полным и усеченным вариантами, т. к. с фонетической точки зрения возведение *I'll* к *I shall* невозможно. Квёрк и его соавторы дают следующую парадигму для конструкций со вспомогательными глаголами, служащими для передачи понятия будущего: *shall* + инфинитив (только для 1-го л., главным образом, в британском английском), *will* или *'ll* + инфинитив для всех лиц, включая 1-е л. Далее дается разъяснение, что «*shall* в значении будущего ограничено 1-м лицом в нормативном британском английском, в то время как *will* может употребляться в этом значении для всех лиц во всей области распространения английского языка. Значительное влияние на использование *shall* оказал узус предписывающей грамматики» [1, с. 87]. Из всего этого следует, что для вариантов план того, что можно было бы назвать формальным варьированием, и план содержательный дают иногда очень сложное переплетение парадигматических и синтагматических факторов. Для британского английского сочетание *I will* + инфинитив сохраняет некоторый «семантический привесок» модальности, желательности и доброй воли,

в то время как *I shall* + инфинитив этим оттенком не обладает. Но куда с семантической точки зрения отнести *I'll* + инфинитив? Имеет ли конструкция *I'll do it for you* (пример Квёрка) или *Say that I'll write to him* (пример из произведения E. Waugh, *A handful of dust*) оттенок желательности или это просто констатация факта, решить может только широкий контекст.

Включение исторических диалектизмов в литературный язык часто служит источником возникающего варьирования, но и в этих случаях важно учитывать различные исторические срезы языка. Например, в раннесреднеанглийском личное местоимение 3-го л. женского рода *he* (из др.-англ. *heo*) и *sko*, давшее современное английское *she* и не вполне ясное по происхождению, довольно строго были локализованы по диалектам (юг — *he*, север — *sko*). Однако для XIV и первой половины XV вв. эта диалектная локализация уже стирается. Еще быстрее диалектное различие исчезает в 3-м л. мн. числа, где *hi/he* из др.-англ. *hie* (с дат. пад. *hem*) употребляется параллельно с северной диалектной формой *thei* (дат. пад. *them*), пришедшей как скандинавское заимствование. Но возникает вопрос, можно ли для современного английского языка считать формы *them/ 'em* (из *hem*) морфологическими вариантами, объединенными в одной парадигме, или этому препятствует их социолингвистический статус. Ведь если *them* — нормативная литературная форма, повсеместно употребляемая, то *'em* — не только обиходно-разговорная, но также форма, стоящая уже на грани внелитературного употребления, типичная для кокни. Следовательно, то или иное решение вопроса зависит от того, строим ли мы парадигму для языка в целом, не обращая внимания на его социолингвистическую вариативность, или ограничиваем исследование одним из его социолингвистических и функционально-стилистических вариантов.

Весьма сложно определить в качестве вариантов формы синтетические и формы аналитические, по значению иногда близкие друг другу. Дело не только в том, считать ли тот или иной набор аналитических форм подлинно морфологической парадигмой или определять (как это делают некоторые лингвисты) как словосочетания грамматизованного типа, но и в самом понимании вариативности в ее связях с проблемой грамматической синонимии. Если продолжить иллюстрации, взятые из материала английского языка, то атрибутивные словосочетания *John's book* и *the book of John* «книга Джона» семантически вполне эквивалентны, но тем не менее не дают морфологических вариантов, поскольку нет оснований выделять в английском языке парадигму предложного аналитического склонения. В указанной выше грамматике современного английского языка Квёрк и его соавторы определяют конструкции типа *My bicycle is better than John's* «мой велосипед лучше, чем у Джона» как «эллиптический родительный» (elliptic genitive) и поясняют, что «в этой конструкции ведущее слово не дано, но оно эксплицируется или имплицитруется контекстом [1, с. 87]. Однако что же в данном случае оказывается подверженным варьированию? Видимо, не сама форма родительного падежа, а разные формы генитивного словосочетания в его двухэлементной структуре. Для определения уровня формальной и семантической вариативности, характерной для того или иного языка, иногда приходится искать ее показатели в пограничных, «межуровневых» сферах языка, что тесно связано с типологической характеристикой грамматического строя данного языка.

Соотношение морфологии и синтаксиса всегда было (и остается) «трудным вопросом» теории грамматики. Очевидно, что эти области взаимосвязаны, но одновременно они и различны. Где же проходит демаркационная граница между областями, подведомственными учению о синтаксических моделях языка, и тем, что следует отнести к морфологии, одинаковы ли или, наоборот, различны критерии, по которым выделяются явления морфологии и явления синтаксиса, и в какой мере большая или меньшая емкость вышеуказанных разделов грамматики зависит от типологической принадлежности исследуемого языка? Последний вопрос привлек к себе внимание, и в последние десятилетия много работ было посвящено анализу грамматических категорий в типологически разнотипных языках.

Типология того или иного языка не может не сказываться на специфике моделирования грамматических классов и грамматических конструкций, однако рассмотрение соотношения морфологии и синтаксиса исключительно в рамках проблемы типологии языков может привести к неверному представлению, что общей морфологии и общего синтаксиса вообще не должно быть. Между тем от понимания сущности морфологических структур и сущности синтаксических конструкций зависят направление и методы изучения грамматического строя конкретных языков.

История языкознания показывает, что вышеупомянутое понимание изменялось много раз. Иногда морфологию сужали до уровня перечисления формальных парадигм, относя всю содержательную часть грамматики в область синтаксиса. На смену этого понимания пришла концепция функциональной морфологии и определение значений ее единиц, исходя из общего (узкого или широкого) смыслового контекста. Синтаксис, построенный на базе категорий формальной логики, потеснился в пользу идей об актуальном членении предложения, а затем методика трансформационной грамматики привела к значительной нивелировке различий между морфологией и синтаксисом. До сих пор среди многих лингвистов бытует убеждение, что именно синтаксис является той генерирующей средой, где возникают новые значения, впоследствии подвергающиеся процессам генерализации и парадигматизации. В значительной мере это положение правильно: именно при употреблении и тех или иных лексем или тех или иных моделей возникают условия для сдвига старых и появления новых значений. Однако не следует забывать, что выбор той или иной единицы языка обусловлен присущим ей значением (лексическим или грамматическим), которое создает возможность ее употребления в определенных контекстах коммуникативной направленности. Следовательно, двусторонность связей данного речевого образования, переплетение самих понятий «значение» и «употребление» вынуждают исследователя языка обращать внимание на многоаспектность проблемы «связь формы и содержания» и рассматривать каждый из участков строя языка с позиции диалектики языкотворческого процесса.

Рассматривая сферы действия морфологии и синтаксиса, нельзя забывать, что границы между ними подвижны. Проявляется это не только в плане диахронии (грамматизация с возможной впоследствии парадигматизацией словосочетаний, процессы переразложения или опрощения единиц морфологии и синтаксиса), но и в плане синхронии. Последнее подтверждается теми трудностями, на которые наталкивались лингвисты при попытках сформулировать правила, действующие со стопроцентным охватом языкового материала того или иного уровня структуры языка.

Стратификация языка и распределение языковых фактов по уровням лексики, морфологии и синтаксиса (мы оставляем в стороне важные явления морфологии и фонеморфологии, а также всю область просодики) предполагает одновременно взаимодействие и связь этих уровней — отсутствие этой связи исключало бы использование языка как средства коммуникации. Почти каждое, а может быть, и каждое явление, принадлежащее к одному уровню языка, имеет свою точку опоры в другом уровне языка. Согласование как средство выявления синтаксической связи слов в словосочетании и в предложении использует морфологические формы словоизменения. Категориальные понятия одушевленности и неодушевленности, активности деятеля и пассивности реципиента действия во многих языках передаются при сочетании лексических, морфологических и синтаксических приемов. В каждом подобном случае полезно различать центр и периферию, ведущее начало и сопровождающие факты. При определении такого ведущего начала становится ясным, к какой области грамматики следует в первую очередь отнести данное явление, нередко спорное и противоречивое.

Разберем в этой связи статью Хадсона [4]. В морфологии современного английского языка для категории глагола, включающего подразряды — обычные переходные и непереходные глаголы, модальные глаголы, глагол *to be* («быть»), оказывается чрезвычайно трудным сформулировать

одно правило, в равной мере действенное для всех типов (подразрядов) глагола. Соответственно возникает трудность в нахождении абсолютно единообразного соотношения для глагола морфологических и синтаксических правил, которые уподоблялись бы зеркальному отражению двух вышеуказанных уровней языка. Морфологические парадигмы глагола *to be*, модальных глаголов и всех прочих «обычных» глаголов неодинаковы, а синтаксическое использование в роли сказуемых-предикатов типично для всех вышеуказанных глаголов. Возникает вопрос: каким путем единообразно и с достаточной степенью последовательности представить для всех видов глаголов морфологические и синтаксические отношения по их формальным показателям. Следует ли подразделить, т. е. разбить синтаксическое правило сообразно каждому из указанных типов глаголов, или искать другие способы решения возникшей проблемы.

В одной из своих статей Хадлстон [5] пробует опереться на правило трансформации, регулирующее согласование подлежащего и сказуемого (*subject-verb agreement*), но, по-видимому, это правило неэффективно в данном случае, что показывают простейшие примеры, особенно если вовлекается еще категория числа. Возражая Хадлстону, Хадсон приводит в пример такие слова, как *the committee*, которое может иметь согласование и по единственному, и по множественному числу, *scales* «весы», относительно которого он пишет: «Есть случаи, когда подлежащее принимает согласование по множественному числу, хотя при этом по содержанию не существует отношения более чем к одному предмету (*The bathroom scales are broken*)». Если же обратиться к правилам согласования подлежащего, представленного однородными членами предложения, то семантические и формальные признаки предикатов-глаголов и согласуемых с ними подлежащих создают еще более сложную ситуацию. *The boy and the girl* в качестве подлежащего должно иметь глагол-сказуемое во множественном числе, а *the boy or the girl* — в единственном. Зависит это от того, будет ли связь в подлежащем соединительной (*conjunct*) или разъединительной (*disjunct*). А как быть с таким примером, как *the boys or the girl...?* То же положение вещей складывается и в области категории лица: *you and I* трактуется по первому лицу, но *you and he* — по второму лицу [4, с. 76].

Безусловно, что осложнения возникают не только из-за морфологического своеобразия глагола *to be*, но также из-за его полисемантизма (и поэтому того, что можно было бы назвать полифункционализмом). В приводимых Хадсоном примерах (1) *John is working*, (2) *John is beaten whenever he plays squash*, (3) *John is to leave soon*, (4) *John is angry*, (5) *John is in the house* глагол, выполняя предикативную функцию, тем не менее очень разнолик по своему статусу. В примерах (1) и (2) это вспомогательный элемент аналитической глагольной формы, в (3) имеет значение долженствования — модальность, равную по значению модальному глаголу *ought*, в (4) это связка, в (5) — глагол бытия. Поэтому в какой-то мере прав Хадсон, указывая, что объяснить всю совокупность морфологических и синтаксических потенций всех типов глаголов одинаковым образом, исходя из принципов «*subject-verb agreement*» (как это предлагает Хадлстон), действительно невозможно.

Но что же предлагает Хадсон? Два его постулата построены как расширение зоны морфологии в область явлений, обычно трактуемых грамматистами как относящиеся к зоне синтаксиса: 1) «морфологические правила, которые определяют форму английского глагола, должны также указывать на субъект глагола (вне зависимости от того, стоит ли он рядом или нет); 2) действенность синтаксических правил может быть снижена в результате трактовки некоторых явлений согласно морфологическим, а не синтаксическим, правилам» [4, с. 73]. По мнению Хадсона, можно в этой связи вспомнить, что отдельные факты морфологии, не объяснимые системно действующими морфологическими правилами, принято выводить в область лексики. Кстати сказать, это давно использовалось в нормативных курсах морфологии, где при соответствующих параграфах, в которых излагались правила грамматики, помещались списки «исклю-

чений» из данного правила. Хадсон также заключает, что «морфология *be* скорее должна рассматриваться в словаре (lexicon), чем при морфологических правилах как таковых» [4, с. 82]. Из этого неизбежно следует, что морфологические правила применимы только к таким словам, формообразование которых целиком и без исключений может быть подчинено данному правилу. Столь «ригористическое» понимание области морфологии очень обедняет морфологию, не только потому, что сужает ее границы, но, главным образом, из-за того, что не учитывает ее функционально-семантических сторон и игнорирует явление вариативности форм передачи грамматических значений.

Что касается замечания Хадсона по поводу необходимости указывать при морфологических описаниях в словарной статье также отношение к синтаксическим категориям предложения, то это неизбежно должно приводить к весьма зыбкому разграничению уровней структуры языка. Хорошо известна и вполне закономерна связь лексико-грамматических подрядов с синтаксическим построением предложения и изменением грамматического оформления членов предложения (подлежащего, сказуемого, дополнения) при заполнении их позиций теми или иными разрядами лексических единиц, но, видимо, эту сторону лексического состава языка надо упоминать не в словаре общего типа, а в каких-то работах, посвящаемых проблемам синтаксической валентности членов словосочетания. Ведь в языках определенных типов, в которых представлено словоизменение частей речи, функционирующих в качестве определений, согласование отражено в атрибутивных словосочетаниях. В согласовании предикативного атрибута с подлежащим преодолевается неясность синтаксической связи, возникающая при дистантном расположении вышеуказанных членов предложения.

Формальная и смысловая связь элементов структуры различных уровней языка проявляется в том, что потенциальные возможности одного уровня находят себе реализацию в построении моделей другого уровня. Синтаксические конструкции должны опираться на морфологические формы слов, заполняющих те или иные позиции в модели предложения. Однако парадигматические ряды на уровне морфологии создают определенный резерв для синонимических замен, что в плане диахронии дает толчок к грамматизации словосочетаний или, наоборот, к превращению их во фразеологические единства. Представляется, что трудности в вопросе разграничения области морфологии и синтаксиса, с которыми сталкиваются лингвисты, чаще всего возникают из-за непонимания самой сущности этих областей грамматики, непонимания содержательной стороны синтаксических отношений, а также возможностей, которые таит в себе функциональный подход к явлениям языка. Не случайно, что для полного понимания связи морфологического и синтаксического уровней строения системы языка, определения границ варьирования элементов, их составляющих, и оценки их семантики в плане функционального использования приходится привлекать некоторые положения типологии. Типологическая принадлежность данного конкретного языка неизбежно проявляется во всех звеньях его системы. Однако для определения степени формальной и семантической вариативности, характерной для того или иного языка, нередко приходится искать ее показатели в пограничных «межуровневых» зонах языковой системы. Проблема вариативности в области грамматического строя языка не может быть решена исключительно в пределах функциональной морфологии, т. к. неизбежно происходит ее вторжение в область функционального синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A grammar of contemporary English. London, 1972, с. 208.
2. Haber L. R. Leaped and leapt. A theoretical account of linguistic variation.— In: Foundations of language, 1976, v. 14, № 2, p. 231.
3. Labov W. Contraction deletion and inherent variability of the English copula.— Language, 1945, v. 45, № 4.
4. Hudson R. The power of morphological rules.— Lingua, 1977, v. 42.
5. Huddleston R. D. Homonymy in the English verbal paradigm.— Lingua, 1975, v. 37.